

ПОДМОСКОВНАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

2021-2022 УЧЕБНЫЙ ГОД

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

10 класс

Время на выполнение заданий – 60 минут.

Удачи!

Прочитайте текст и выполните задания к нему.

1. Что такое плутократия? Наличие ценза какого типа предполагает возможность установление плутократии?
2. На каком историческом этапе и почему стала актуальна идея меритократии? Приведите положение из текста.
3. Как автор называет явление, обозначаемое в социологии кристаллизацией статусов? Приведите как минимум два примера из текста, иллюстрирующих явление кристаллизации статусов.
4. В чем состоит так называемый меритократический миф?
5. Что автор относит к нерыночным ценностям?
6. Кто, по предположению автора, в ближайшем будущем станет новой господствующей социальной группой? Каким термином он называет эту страту? С потенциальным возникновением каких общественных проблем это может быть связано?
7. Какие качества представителей новой потенциально господствующей группы автор выделяет в качестве альтернативных рациональному интеллекту, измеряемому IQ? Приведите не менее трех качеств.
8. В чем по мнению автора заключается ловушка персонократии?

В последние годы наблюдается небывалый всплеск интереса к феномену меритократии как в политической публицистике, так и в академической науке. Появляется все больше работ (особенно на Западе), авторы которых по-разному обосновывают представление о меритократии как о новой идеологии господствующего класса. Зачастую речь фактически идет о том, что меритократия есть новый «дух» неолиберального капитализма, приспособляющегося к реалиям ускоряющегося технического прогресса, повышения роли когнитивного фактора в экономике и т.п. Явно черпая вдохновение в классической антиутопии Майкла Янга «Возвышение меритократии» (1958), приверженцы этой точки зрения рисуют мрачные картины разделения человечества на две большие страты: «полезных» («умнейших»), прошедших должный отбор в условиях высокотехнологичной экономики «сверхлюдей», и остальных, «лишних», которых автоматизация производства выбрасывает на обочину жизни. При этом меритократия нередко рассматривается как один из способов оправдания господства плутократии. Складывается впечатление, что для многих авторов идеология и практика меритократии — это один из симптомов больного общества, страдающего от нарастающего неравенства и находящегося на грани социального взрыва. Но, возможно, меритократия со всеми ее изъянами и непоследовательностями — далеко не худший вариант развития событий. Как я постараюсь показать далее, уже сегодня на фоне бурных технологических изменений прослойка когнитивных элит постепенно сдает свои позиции. И будущее, скорее всего, не за хорошо вписывающимися в реалии высокотехнологичной экономики «достойными», а за «популярными», власть которых чревата не меньшими проблемами.

Этимологически термин «меритократия» происходит от латинского слова *meritus* («достойный») и древнегреческого *κράτος* («власть, правление») и буквально означает «власть достойных». Обычно под меритократией понимают систему, при которой на верхних ступенях социальной, политической, экономической, государственной и т.д. иерархии находятся те, кто имеет некие заслуги или качества, признаваемые обществом достойными. При этом речь может идти как о принципе формирования элит, в прямом смысле, предполагающем власть достойных (а не богатых, знатных и т.п.), так и об идеологии, мифе.

Очевидно, однако, что само по себе понятие достоинства чрезвычайно размыто: для кого-то «достойны» умнейший, для кого-то — справедливый, для кого-то — нравственный и т.п. Универсального способа определения «достойных» нет и не может быть. Поэтому для существования меритократии необходимы конкретные критерии формирования элит. В целом, поскольку все остальные критерии вроде доброты,

трудолюбия, нравственных качеств, творческих дарований и т.п. плохо поддаются измерению и/или не всегда актуальны, сложилось так, что под меритократией подразумевается, как правило, власть умнейших, которых вполне можно отбирать с помощью стандартизированных тестов или высокого рыночного спроса на интеллект. И, как мы увидим далее, если в настоящее время и можно говорить о «проблесках» меритократии, то именно в этой, «когнитивной», ее форме. Что касается меритократии как идеологии, то к дискурсу достоинств могут обращаться вообще любые господствующие классы: от аристократов, считающих себя «достойными» по факту благородного происхождения, до плутократов, обосновывающих свое право на богатство ссылками на упорный труд и предпринимательские риски.

Почему концепт меритократии стал актуален именно сегодня и при этом часто в связке с критикой неолиберального капитализма? Частичный ответ на этот вопрос дает обращение к самому его первоисточнику. В своей знаменитой антиутопии Янг прямо не противопоставляет меритократию буржуазному обществу. Она рождается как раз в рамках стремления преодолеть старый, коррумпированный «кастовый» порядок, когда рабочие были сыновьями рабочих, юристы — сыновьями юристов и т.д., и установить наиболее эффективную классовую систему, которая бы удовлетворяла требованиям прогресса и международным реалиям. В вымышленной Великобритании Янга правительство решает ввести принципы меритократии вовсе не из благих побуждений, а чтобы выжить и устоять в мировой экономической конкуренции. Да, первые попытки избавиться от наследственной власти аристократов и обеспечить доступ каждого к среднему образованию были обеспечены лейбористами (здесь Янг умело встраивает свой фантастический нарратив в фактическую историю). Но впоследствии консерваторы одержали верх, ибо равенство возможностей оказалось крайне обременительным: нет смысла инвестировать равные средства в глупых и умных, да и умный вряд ли сможет реализовать свой потенциал в коллективе посредственностей. В итоге детей с раннего возраста стали сортировать с помощью различных тестов (Янг в основном говорит об IQ) с целью создания особой страты высокообразованных. Всем остальным была уготована участь простых рабочих, техников. Те, кто оказался в самом низу, осознавал свою ущербность, ибо потерпел поражение в честной борьбе способностей.

Известно, что антиутопия Янга кончается восстанием «посредственных» против элит. Ее автор питал явную неприязнь к идее меритократии *per se*. И дело не только в сомнительности самого критерия формирования элит. Вычленение «лучших» и наделение их привилегиями — верный путь к уничтожению солидарности и классовому

антагонизму, ибо единственным источником уважения и признания здесь предстает интеллект, а все остальные качества, такие как доброта, смелость, воображение, способность сочувствовать, щедрость и т.п., попросту игнорируются. Но в контексте настоящей статьи важнее другое: судя по всему, меритократия не обязательно противоречит духу капитализма. Да, в антиутопии Янга государство борется с плутократией, но это не означает уничтожения рыночных отношений. Речь идет лишь о критериях отбора полезных для высокотехнологичной экономики людей и соответствующей трансформации образовательной системы.

Антиутопия Янга оказалась во многом пророческой. В условиях формирующегося постиндустриального общества роль физического труда сокращалась, он активно заменялся машинами и роботами или переносился за рубеж. Со второй половины 1970-х годов темпы роста заработной платы перестали соответствовать темпам роста производительности труда (это также предугадал Янг). Одновременно все большее значение приобретал когнитивный труд, сопряженный с научными знаниями и техническими компетенциями. Иными словами, повышалась роль образования. Параллельно неолиберализм разрывал бюрократические цепочки welfare state, внедряя модель рыночной конкуренции во все сферы общества. Случилось примерно то, что Янг называл возвращением к аристократии. Только теперь «аристократами» все чаще не рождаются, а становятся в силу тех или иных качеств либо заслуг.

Здесь, впрочем, стоит вновь вернуться к различению меритократии как принципа формирования элит и как идеологии. В своем чистом виде (как описывал ее Янг) меритократия предполагает наличие честной и открытой системы сортировки людей по их врожденным талантам и приобретенным заслугам. Система должна быть настроена так, чтобы другие факторы (вроде богатства) не были препятствием к осуществлению отбора и не искажали его. Так, в антиутопии Янга накопленное меритократами материальное богатство не могло превратиться в средство передачи статуса по наследству, а потому шансы попасть в число избранных у детей богатых и бедных были примерно одинаковыми (по крайней мере поначалу). Сегодня с этим большие проблемы. Определенное движение к меритократии действительно наблюдается, но de facto имеет место нечто вроде синтеза меритократии и плутократии (что ведет в том числе к появлению наследственной меритократической олигархии). В конце концов, Янг писал свою работу в те времена, когда казалось, что капитализм уже почти преодолен даже в западных странах. Сейчас же представители господствующего класса умело взяли под контроль меритократическую трансформацию, используя меритократические доводы для

обоснования углубляющегося социального неравенства там, где честные достижения трудно отличить от рентных преимуществ. Значение богатства и правда немного снизилось. Но зато у богатых появился дополнительный аргумент: если они победили в некоем узком меритократическом соревновании для своих, то никаких претензий к ним быть не должно: они достойны.

На порочность меритократии как идеологии оправдания неравенства и неолиберализма в целом указывают многие авторы. Так, Джо Литтлер отмечает, что за последние несколько десятилетий язык меритократии превратился в алиби для плутократии и ключевой идеологический элемент воспроизводства неолиберальной культуры. Меритократия предполагает ступенчатую систему социальной мобильности, продвигая этику конкурентного личного интереса, которая узаконивает неравенство и наносит ущерб сообществу, заставляя людей постоянно конкурировать между собой. Это своего рода миф, призванный скрывать экономически обусловленное социальное неравенство. В работе Литтлера детально прослеживается, как неолиберальные элиты брали на вооружение миф о меритократии. Причем речь идет не только о прямых политических заявлениях (например, Терезы Мэй), но и о самой культуре, где даже развлекательные реалити-шоу пропагандируют «опосредованные формы состязательного самосовершенствования». Освобождение от несправедливых иерархий расы, пола и сексуальной ориентации сопровождается появлением новой иерархии, основанной на представлении о глубоких различиях между людьми в плане способностей и стремлений. Но в условиях неолиберализма сама меритократия оказывается крайне избирательной, ибо включает в себя лишь наиболее богатых. Обращая внимание на то, что «многие миллионеры, унаследовавшие собственное богатство... лицемерно рекламировали тяжелый труд как наиважнейший фактор социальной мобильности», Литтлер констатирует, что «подобный дискурс помогает стереть налет чрезмерной привилегированной праздности с личности говорящего, одновременно приписывая слушателю способность достичь аналогичного социального статуса — ту степень социальной мобильности, которая на практике достижима лишь для крошечного меньшинства».

Дело, впрочем, не сводится к тому, что меритократический миф служит прикрытием плутократии. При хорошем спросе на человеческий капитал высшего качества многие действительно становятся сверхбогатыми по заслугам. Однако в рамках современной рыночной экономики преимущества меритократов лишь усиливают социальное неравенство. Одна из давно уже зафиксированных уязвимостей всякой

меритократии заключается в том, что она может стать наследственной, поскольку честно заслужившие свой статус тем самым обретают и больше возможностей вкладываться в развитие своих потомков. Здесь значимо как богатство, которое можно инвестировать в образование детей, так и сама семейная обстановка, интеллектуальный климат, забота и т.п. В конечном счете определенную роль могут сыграть даже гены, ибо меритократы предпочитают вступать в брак с такими же меритократами.

Конечно, чистая меритократия предполагает минимизацию материального фактора. Но сегодня в ход пускается все. Самый простой способ обеспечить преемственность — купить детям «входной билет» в мир достижений. Так, в США уже сравнительно давно сформировалась жесткая иерархия высших учебных заведений. На вершине пирамиды находятся элитные частные университеты (вроде входящих в Лигу Плюща), куда по конкурсному отбору попадают единицы. Как и в антиутопии Янга, для выявления наиболее способных («умных») используются стандартизированные тесты (в США это SAT и ACT). Внедрение системы тестирования позволило ускоренными темпами сортировать потенциальных абитуриентов. В итоге элитные университеты стали еще более элитными, ведь благодаря стандартизации отбор осуществляется в общенациональных масштабах (и конкурс растет). Как следствие, само окончание престижного университета, по сути, гарантирует получение высокооплачиваемой работы. Детально изучив этот вопрос, Энтони Карневале, Питер Шмидт и Джефф Штрол обнаружили, что у богатых (в том числе у фактических меритократов) есть немало инструментов, позволяющих им обеспечить своим детям серьезные преимущества при устройстве в университеты — от подкупа и постановки фиктивных диагнозов (вроде синдрома дефицита внимания и гиперактивности, дающего значительные привилегии при тестировании) до найма продвинутых консультантов и участия в теневых схемах, когда фактором зачисления абитуриента становится способность и готовность его родителей выступить спонсорами университета.

Но проблема не только в деньгах. Проанализировав на обширном эмпирическом материале современный механизм концентрации и передачи богатства и привилегий из поколения в поколение, Дэниэл Марковиц характеризует его как своеобразный кастовый порядок, «порождающий злобу и разделение». Согласно его заключению, неравенство сегодня все чаще возникает не из-за отклонений или отступлений от меритократии, а именно из-за ее успехов. Даже когда меритократия действует так, как рекламируется, она способствует династической передаче статуса и богатства, а тем самым росту экономического неравенства. Во многих странах, в том числе в США, финансирование

школы происходят за счет налога на недвижимость. И поскольку состоятельные меритократы селятся в богатых районах, школы там тратят на одного ученика в два, а то и в три раза больше, чем в менее престижных районах, не говоря уже о бедных. Как отмечает Марковиц, «в то время как ученикам средней школы Сент-Клер-Шорс приходится довольствоваться одним учителем музыки, который ездит из школы в школу и обучает 750 детей... богатые школы могут похвастаться такими удобствами... как, например, высокотехнологичная метеостанция в Ньютоне, штат Массачусетс, или академия цифровых медиа, оснащенная трехмерными принтерами, в Коронадо, штат Калифорния. В более широком смысле и, наверное, с большей вероятностью дополнительные деньги, доступные богатым школам, используются для приглашения большего числа лучших учителей». Разумеется, качество образования в таких школах несопоставимо с обычным. И одним только школьным образованием преимущества не ограничиваются. В случае необходимости богатые меритократы готовы тратить тысячи долларов на репетиторов из топовых университетов, лишь бы добиться от своих детей желаемых результатов. Но и это еще не все. Дети меритократов воспитываются в более комфортном окружении, нежели их сверстники. Образованные родители куда чаще разговаривают с малышами, причем на правильном и богатом языке; они реже разводятся, а потому их дети растут в полных семьях; матери не тратят все свои силы на хозяйство и работу и могут спокойно передавать детям свой «человеческий капитал» (читая им книги или просто проводя с ними время «с пользой для ума»). Способствует развитию и обогащению разнообразным опытом и общая обстановка в семьях меритократов, ведь такие семьи часто путешествуют, проявляют интерес к искусству и элитарному спорту, тогда как на долю детей из рабочего класса остаются лишь компьютерные игры. Возникает своеобразный «порочный круг», или ловушка меритократии, когда заслуги трансформируются в богатство, а оно, со своей стороны, позволяет передавать статус по наследству.

<...>

Для того чтобы осознать пределы меритократии, необходимо учитывать исторический контекст ее появления. Идея власти «достойных» родилась тогда, когда в условиях холодной войны возник гигантский спрос на человеческий капитал (следствием чего стало, в частности, увеличение финансирования научных исследований в США как реакция на запуск Советским Союзом первого искусственного спутника). Возникшая прослойка меритократов не принесла с собой принципиально новых общественных отношений, так как была призвана лишь улучшить управление процессами извлечения

прибавочной стоимости, в том числе путем создания для них новых ниш. Мало того, эксплуатация распространилась и на самих меритократов, ибо буржуазная система, восприимчивая исключительно к тому, что можно купить или продать, обрела инструменты измерения «интеллектуальной производительности» (рейтинги университетов, тесты IQ и т.п.). Короче говоря, деятельность меритократов оказалась все тем же трудом, суть которого в большинстве случаев сводится к символическим, логическим и т.д. операциям, требующим, правда, серьезных знаний и высокой продуктивности мозга. Поэтому меритократы сами подчас попадают в незавидное положение.

Так, Марковиц обращает внимание на примечательную метаморфозу, которую претерпели экономические отношения. В былые времена господствующие классы вели праздный образ жизни, в то время как прибавочный продукт обеспечивался за счет тяжелого, изнуряющего массового труда. В наше время, похоже, все перевернулось с ног на голову: реальный прибавочный продукт создают меритократические элиты, а массы превращаются в праздное большинство, которое в условиях автоматизированной экономики оказывается «лишним», а потому нуждающимся в разнообразных пособиях («рентное общество»). И поскольку именно высокообразованные и сверхкомпетентные являются основными производителями, их лишь больше эксплуатируют (или они вынуждены сами себя эксплуатировать). Конечно, они получают неплохую компенсацию в виде высоких (иногда чрезвычайно высоких) доходов, но в итоге гонка за «когнитивной» производительностью оборачивается сильнейшей (само)эксплуатацией. В работе Марковица приводятся немало статистических данных и простых наблюдений, свидетельствующих об этом. Так, «молодые инвестиционные банкиры теперь работают от 80 до 120 часов в неделю, часто приходя на работу в 6 утра и не уходя до полуночи». Весьма показателен в этом плане случай аналитика одного из инвестиционных банков, чья рабочая неделя однажды составила 155 часов, так что на все остальное, включая сон, ему осталось лишь 13 часов. Эта гонка, разумеется, затрагивает и детей, стремящихся соответствовать амбициям родителей (отсюда все более частое «выгорание» и другие нарушения психического здоровья).

Суть проблемы заключается в бурно развивающихся технологиях, способствующих вытеснению «заурядного» труда и ужесточению конкуренции в сфере труда высокоинтеллектуального. Это не триумф капитализма, а скорее его сжатие, минимизация при одновременном росте рентных практик (борьба за интеллектуальную, ресурсную, международную и т.д. ренту). В этой обстановке меритократам далеко не

всегда комфортно. Более того, с ростом автоматизации под угрозой оказывается и тот самый измеримый и легко встраивающийся в рационализированную капиталистическую экономику когнитивный труд. Как отмечает Дэвид Гудхарт, «так называемая четвертая промышленная революция, предполагающая роботов и искусственный интеллект, приведет к тому что мыслительные и другие нестандартные операции будут все чаще выполняться машинами. Они смогут обрабатывать данные быстрее, дешевле и с меньшим количеством ошибок, чем человек, по крайней мере в некоторых сферах деятельности».

<...>

Таким образом, взаимное усиление меритократии и капитализма иллюзорно. За меритократической плутократией (или буржуазной меритократией), вроде бы свидетельствующей о формировании кастовой системы, скрывается что-то более глубокое и фундаментальное. Король может оказаться голым. Тенденции последних лет намекают на то, что будущее за несколько другим типом элит, включающим в себя не столько «достойных» (еще раз повторю: «достойных» именно исходя из спроса на интеллектуальные способности в рамках когнитивного капитализма), сколько из «популярных». В конце концов, высокие технологии, с одной стороны, делают меритократическую конкуренцию все более агрессивной, изнуряющей и отчуждающей, а с другой — ведут к умножению коммуникативных пространств (социальные сети и медиа и т.п.). Коммуникация предельно упрощается, а общественное внимание превращается в важнейший ресурс влияния (в том числе политического). Это постоянно расширяющийся мир сетевых медиа, где правит бал не экономическая рациональность, а творчество в его эмоциональных, социальных, художественных проявлениях. Как справедливо полагает Гудхарт, будущее не (только) за рациональным интеллектом, измеряемым IQ. В гораздо большей степени оно за интеллектом эмоциональным, художественным, связанным с эмпатией и социальностью. В этом плане пространство социальных сетей, фактически ставшее сегодня нашей второй (если не основной) реальностью, приобретает важнейшее значение. И здесь далеко не всегда победа достается самым умным, которых все чаще оттесняют привлекательные, креативные (не в технократическом смысле), яркие — а также везучие. И пока представители меритократических элит истязают себя в борьбе за экономическую эффективность, персоны вроде Клавии Коки или Моргенштерна просто демонстрируют свою яркую, красивую жизнь, наполненную музыкой и эпатажными выходками, при этом подчас не уступая меритократам в богатстве и, что важнее, имея многомиллионные аудитории, готовые прислушиваться к ним в том числе и по политическим вопросам. Социальные медиа порождают мириады лидеров общественного

мнения в самых разных тематических нишах (от игровых стримов и путешествий до собственно политики), причем самого разного уровня — от мегапопулярных «звезд» (сотни миллионов подписчиков на разных платформах) до так называемых микрознаменитостей (сотни тысяч подписчиков) и даже нано-инфлюэнсеров (тысячи подписчиков или «френдов»). Разумеется, не обходится без коммерциализации, без частичного погружения в «культурную логику позднего капитализма». Однако растущая прослойка популярных персон в «одержимом статусом мире» — это не капиталисты, а их доходы — не капиталистическая прибыль. Они извлекают ренту из общественного внимания, занимаясь деятельностью, которую невозможно ни точно измерить, ни присвоить (в силу эфемерности нематериальных благ, существующих в виде «летучих» цифровых кодов), ни рационализировать, сделав объектом прямого извлечения прибавочной стоимости. Это реальность, во многих своих проявлениях выходящая за рамки буржуазного мира и порождающая новые посткапиталистические пространства нерыночных ценностей (вроде славы, признания, популярности, привлекательности, общения и т.п.).

Но разве растущее влияние «популярных» (взять хотя бы многочисленных политиков-звезд) не одно из проявлений меритократии? Не случайно многочисленные селебрити и прочие популярные медийные персоны часто утверждают, что достигли своего положения упорным трудом (тем самым обращаясь к меритократии как идеологии оправдания). В каком-то смысле это действительно так. Но, приняв подобную трактовку, мы рискуем сильно расширить само понятие меритократии как принципа формирования элит. Суть меритократии (а не мифа о ней) заключается именно в прямой (или преимущественной) зависимости успеха и влияния от прилагаемых усилий и таланта. Между тем страта «популярных» (я называю эту прослойку персоналиатом) влиятельна не по причине таланта и не в силу заслуг. Ее представители таковы в первую очередь потому, что удачно встраиваются в циркулирующие потоки внимания. Они могут быть абсолютно бесталанными (или обладать единственным талантом — способностью к «творческому» эпатажу), но при этом привлекать определенную аудиторию (здесь стоит упомянуть скандальные истории с трэш-стримами, а также концепты вроде «знаменитости, знаменитой своей знаменитостью» и *famesque*). Мало того, как показывают исследования, популярное — это часто не лучшее, а просто вовремя оказавшееся в центре внимания. В любом случае «популярные» не нуждаются в каких-либо принципах отбора или в экономической системе, нацеленной на поиск талантов заданными методами. Дискурсивное пространство само порождает соответствующие центры притяжения, точки фокусирования внимания, где концентрируются творческая энергия, не(пост)буржуазное

богатство и политическое влияние. И вполне возможно, что мы имеем дело уже не с меритократией, а с чем-то вроде персонократии — принципом (или логикой) формирования элит, согласно которому наиболее успешен и влиятелен тот, кто смог стать видимой, распознаваемой и признаваемой личностью (персоной) для максимального числа людей.

Итак, как я попытался показать выше, угроза буржуазной меритократии несколько преувеличена (и, соответственно, нам вряд ли грозит реализация антиутопии Янга на практике). Тенденция к подчеркиванию меритократического статуса скорее симптом упадка капитализма как системы, построенной на массовом труде. Когда непосредственными производителями оказываются наиболее умные и образованные, а подавляющее большинство «лишних» или «почти лишних» живет на скромную зарплату, дополненную скудной рентой в виде пособий, льгот и т.п., капитализм не процветает, но постепенно сжимается до минимальных размеров. При этом развитие технологий искусственного интеллекта ставит под вопрос и саму ценность когнитивных способностей меритократов.

Набирающие силу сегодня тенденции наводят на мысль, что будущее не столько за меритократией, сколько за отчасти выходящим за пределы логики капитализма пространством социальных коммуникаций, а также творчества, опирающегося на эмоциональный и социальный интеллект. Новой господствующей стратой (и даже новым господствующим классом) станут «популярные» (персоналиат) — те, кто благодаря своей творческой активности или умелому эпатажу (что, впрочем, тоже не исключает творчества) привлекает внимание тысяч, сотен тысяч или даже миллионов людей в расширяющемся коммуникативном пространстве социальных медиа. И проблема здесь даже не в том, вберет в себя это пространство «культурную логику» капитализма или станет областью свободы от буржуазных отношений (ведь когда-нибудь капитализм может просто «схлопнуться», породив нечто вроде «полностью автоматизированного коммунизма роскоши»).

Посткапитализм вовсе не обязательно предполагает воплощение в жизнь коммунистической утопии. Как показывает исторический опыт, новые общественные формации и способы производства никогда не разрушают до основания прошлые общественные отношения и сопутствующие/свойственные им негативные социальные и политические явления. Так, капитализм не уничтожил эксплуатацию и жажду наживы как таковые, а скорее создал новые формы обогащения и порабощения. Точно так же расширяющееся медиатизированное пространство социальных сетей, в котором

доминируют не «достойные», а «популярные», порождает лишь новые формы присвоения (рента от популярности), конкуренции (одержимость славой и известностью) и дефицитных благ (лайки, внимание, признание, сама находящаяся в центре внимания личность как «социальное воображаемое» и т.п.). И, что примечательно, мы сталкиваемся с довольно сложной с политико-философской точки зрения ситуацией, ведь власть «популярных» может оказаться даже худшим вариантом, нежели то, что представил в своей антиутопии Янг. В конце концов, «лучшие» в антиутопии Янга — это умнейшие, те, кто стал частью элиты по реальным заслугам и интеллектуальным качествам, а значит, потенциально способен к саморефлексии (при «чистой» меритократии вполне возможен и сценарий, когда сами меритократы пришли бы к выводу о необходимости заботиться о равенстве и справедливости, чего не учел Янг). Что касается пока гипотетического, но назревающего господства «популярных», то во многих случаях оно неизбежно будет опираться на предпочтения и потребности деградирующего в интеллектуальном и моральном плане большинства, в контексте автоматизации становящегося праздным. Не выльется ли это в «ловушку персонократии», куда более опасную, чем обсуждаемая сегодня «ловушка меритократии»?

Д.А. Давыдов